

Лирика Золотого века

Золотой век — это изысканная нить слов, ожерелье рифм и образов. Поэтические творения представителей пушкинской и тютчевской плеяды, а также малоизвестных поэтов того периода по сей день восхищают. Красоты строф и глубины смысла оставляют неизгладимое впечатление. На страницах этой книги, будто в узорах тонкого кружева, переплелись таинственность баллад Жуковского и непостижимая грусть элегий Вяземского, искрометная честность Пушкина, изящество Грибоедова, монументальность Баратынского и Батюшкова. Блеск и сияние бессмертной мудрости не потускнеют со временем.

Также в сборник вошли произведения А. Дельвига, В. Кюхельбекера, А. Одоевского, А. Хомякова и других.

ЛИРИКА ЗОЛОТОГО ВЕКА

Верь тому, что сердце скажет

Стихи

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2020 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-8289-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Алексей Безруков

Электронная версия создана по изданию:

Лирика Золотого века : стихи. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020.
— 384 с.

Содерж. авт.: В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов, Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка, П. А. Катенин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, А. С. Пушкин, И. И. Козлов, В. И. Туманский, Е. А. Баратынский, А. И. Одоевский, Н. М. Языков, А. С. Хомяков, В. Г. Тепляков, Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, А. И. Подолинский

© DepositPhotos.com / imagepluss, AndreYanush, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

В. А. ЖУКОВСКИЙ

(1783—1852)

ЧЕЛОВЕК

A Worm, a God!

Yong ¹

«Ничтожный человек! что жизнь твоя? — Мгновенье.
Взглянул на днёвный луч — и нет тебя, пропал!
Из тьмы небытия злой рок тебя призвал
На то лишь, чтоб предать в добычу разрушенья;
Как быстра тень, мелькаешь ты!

Игралище судьбы, волнуемый страстями,
Как ярим вихрем лист, — ужасный жребий твой
Бороться с горестью, болезнями и собой!
Несчастный, поглощен могучими волнами,
Ты страшну смерть находишь в них.

В бессилии своем, пристанища лишенный,
Гоним со всех сторон, ты странник на земли!
Что твой парящий ум? что замыслы твои?
Дыханье ветерка, — и где ты, прах надменный?
Где жизни твоя следы?

Ты дерзкой мыслию за небеса стремишься! —
Сей низложенный кедр соперник был громам;
Но он разбит, в пыли, добыча он червям.
Где мощь корней его?.. Престань, безумец, льститься;
Тебе ли гордым, сильным быть?

Ты ныне, обольщен надеждой, зиждешь стены, —
Завтра же они, рассыпавшись, падут;

И персти твоя под ними не найдут...
Сын разрушения! мечта протекшей тени!
И настоящий миг не твой.

Ты веселишь себя надеждой наслаждений:
Их нет! их нет! Сей мир вертеп страданий, слез;
Ты с жизнью в него блаженства не принес;
Терзайся, рвись и будь игрою заблуждений,
Влачи до гроба цепи зол!

Так — в гробе лишь твое спокойство и отрада;
Могила — тихий сон; а жизнь — с бедами брань ²;
Судьба — невидимый, бесчувственный тиран,
Необоримая ко счастью преграда!
Ничтожность страшный твой удел!

Чего ж искать тебе в сей пропасти мучений?
Скорей, скорей в ничто! Ты небом позабыт,
Один перун его лишь над тобой гремит;
Его проклятием навеки отягченный,
Твое убежище лишь смерть!»

Так в гордости своей, слепой, неправосудной,
Безумец восстает на небо и на рок.
Всемощный! гнев твой спит!..
Сотри кичливый рог,
Воздвигнись, облечен во славе неприступной,
Грянь, грянь! — и дерзкий станет пыль.

Или не знаешь ты, мечтатель напыщенный!
Что неприметный червь, сокрывшийся во прах,
И дерзостный орел, парящий в небесах,
Превыше черных туч и молний вознесенный,
Пред взором Вечного ничто?..³

Тебе ли обвинять премудрость провиденья?
Иль таинства его открыты пред тобой?
Или в делах его ты избран судьей?
Иль знаешь ты вещей конец, определенье
И взором будущность проник?

В страданиях своих ты небо укоряешь —
Творец твой не тиран: ты страждешь от себя;
Он благ: для счастья он в мир призвал тебя;
Из чаши радостей ты горесть выпиваешь:
Ужели рок виновен в том?

Безумец, пробудись! воззри на мир пространный!
Все дышит счастьем, все славит жребий свой;
Всему начертан круг Предвечного рукой, —
Ужели ты один, природы царь избранный,
Краса всего, судьбой забвен?

Познай себя, познай! Коль в дерзком ослепленье
Захочешь ты себя за край миров вознесть,
Сравниться со Творцом — ты неприметна персть!
Но ты велик собой; сей мир твое владенье,
Ты духом тварей властелин!

Тебе послушно все — ты смелою рукою
На бурный океан оковы наложил,
Пронзил утесов грудь, перуны потушил;
Подоблачны скалы валятся пред тобою;
Твое веление — закон!

Все бедствия твои — мечты воображенья;
Оружия на них судьбой тебе даны!
Воздвигнись в крепости — и все побеждены!
Великим, мудрым быть — твое определенье;
А ты ничтожны слезы льешь!

Сей дерзостный утес, гранитными плечами
Подперши небеса, и вихрям и громам
Смеется, и один противится векам,
У ног его клубит ревущими волнами
Угрюмый, грозный океан.

Орел, ужаленный змеею раздраженной,
Терзает, рвет ее в своих крутых когтях
И, члены разметав, со пламенем в очах,
Расширивши крыла, весь кровью обогранный,
Парит с победой к небесам! ⁴

Мужайся! — и попрешь противников стопою;
Твой рай и ад в тебе!.. Брань, брань твоим страстям! —
Перед тобой отверст бессмертья вечный храм;
Ты смерти сломишь серп могучею рукою, —
Могила — к вечной жизни путь!

1801

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ ЭЛЕГИЯ

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом

Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали,
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали,
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы;
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать,
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят;
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах, может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагранный,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и рёзьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лета, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учить умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах, нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;

Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивший друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлую рекой;

Нередко к вечеру, скитаясь меж кустами —
Когда мы с поля шли, и в роще соловей
Свистал вечерню песнь, — он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.

Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

Здесь пепел юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастье, не знал он в мире сем;
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.

Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным творец награду положил.
Дарил несчастных он чем только мог — слезою;
В награду от творца он друга получил.

Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель — Бог.

1802

МИЛОСЕРДИЕ

«Перун мой изостри, — сказал Юпитер Мщенью, —
Устал я миловать! погибель преступленью!»
Но Милосердие, услышав приговор,
Украдкой острие перуна притупляет.
С тех пор
Он только лишь страшит, но редко поражает.

1805

ОПУСТЕВШАЯ ДЕРЕВНЯ

О родина моя, Обурн благословенный!
Страна, где селянин, трудами утомленный,
Свой тягостный удел обильем услаждал,
Где ранний луч весны приятнее блистал,
Где лето медлило разлукою с полями!

Дубравы тихие с тенистыми главами!
О сени счастья, друзья весны моей, —
Ужель не возвращу блаженства оных дней,
Волшебных, райских дней, когда, судьбой забвенный,
Я миром почитал сей край уединенный!
О сладостный Обурн! как здесь я счастлив был!
Какие прелести во всем я находил!
Как все казалось мне всегда во цвете новом!
Рыбачья хижина с соломенным покровом,
Крылатых мельниц ряд, в кустарнике ручей;
Густой, согбенный дуб с дерновою скамьей,
Любимый старцами, любовникам знакомый;
И церковь на холме, и скромны сельски дома —
Все мой пленяло взор, все дух питало мой!
Когда ж, в досужный час, шумящею толпой
Все жители села под древний вяз стекались,
Какие тьмы утех очам моим являлись!
Веселый хоровод, звучащая свирель,
Сраженья, спорный бег, стрельба в далеку цель,
Проворства чудеса и силы испытанье,
Всеобщий крик и плеск победы в воздаянье,
Отважные скачки, искусство плясунов,
Свобода, резвость, смех, хор песней, гул рогов,
Красавиц робкий вид и тайное волненье,
Старушек бдительных угрюмость, подозренье,
И шутки юношей над бедным пастухом,
Который, весь в пыли, с уродливым лицом,
Стоя в кругу, смешил своею простотою,
И живость стариков за чашей круговою —
Вот прежние твои утехи, мирный край!
Но где они? Где вы, луга, цветущий рай?
Где игры поселян, весельем оживленных?
Где пышность и краса полей одушевленных?
Где счастье? Где любовь? Исчезло все — их нет!..

О родина моя, о сладость прежних лет!

О нивы, о поля, добычи запустенья!
О виды скорбные развалин, разрушенья!
В пустыню обращен природы пышный сад!
На тучных пажитях не вижу резвых стад!
Унылость на холмах! В окрестности молчанье!
Потока быстрый бег, прозрачность и сверканье
Исчезли в густоте болотных диких трав!
Ни тропки, ни следа под сеньми дубрав!
Все тихо! все мертво! замолкли песней клики!
Лишь цапли в пустыре пронзительные крики,
Лишь чибиса в глуши печальный, редкий стон,
Лишь тихий вдалеке звонков овечьих звон
Повременно сие молчанье нарушают!
Но где твои сыны, о край утех, блуждают?
Увы! отчуждены от родины своей!
Далеко странствуют! Их путь среди степей!
Их бедственный удел — скитаться без покрова!..

Погибель той стране конечная готова,
Где золото множится и вянет цвет людей!
Презренно счастье вельможей и князей!
Их миг один творит и миг уничтожает!
Но счастье поселян с веками возрастает;
Разрушившись, оно разрушится навек!..

Где дни, о Альбион, где сельский человек,
Под сенью твоего могущества почтенный,
Владелец нив своих, в трудах не угнетенный,
Природы гордый сын, взлелеян простотой,
Богатый здоровьем и чистою душой,
Убожества не знал, не льстился благ стяжаньем
И был стократ блажен сокровищей незнаньем?
Дни счастья! Их нет! Корыстною рукой
Оратай отчужден от хижины родной!
Где прежде нив моря, блистая, волновались,
Где рощи и холмы стадами оглашались,

Там ныне хищников владычество одно!
Там все под грудами богатств погребено!
Там муками сует безумие страдает!
Там роскошь посреди сокровищ издыхает!
А вы, часы отрад, невинность, тихий сон!
Желанья скромные! надежды без препон!
Златое здравие, трудов благословенье!
Беспечность! мир души! в заботах наслажденье! —
Где вы, прелестные? Где ваш цветущий след?
В какой далекий край направлен ваш полет?
Ах! с вами сельских благ и доблестей не стало!..

О родина моя, где счастье процветало!
Прошли, навек прошли твои златые дни!
Смотрю — лишь пустыри заглохшие одни,
Лишь дичь безмолвную, лишь тундры обретаю,
Лишь ветру, в óсоке свистящему, внимаю,
Скитаюсь по полям — все пусто, все молчит!
К минувшим ли часам душа моя летит?
Ищу ли хижины рыбачьей под рекою
Иль дуба на холме с дерновою скамьею —
Напрасно! Скрылось все! Пустыня предо мной!
И воспоминание сменяется тоской!..

Я в свете странник был, певец уединенный! —
Влача участок бед, Творцом мне уделенный,
Я сладкою себя надеждой обольщал
Там кончить мирно век, где жизни дар принял!
В стране моих отцов, под сенью древ знакомых,
Исторгшись из толпы заботами гнетомых,
Свой тусклый пламенник от траты сохранить
И дни отшествия покоем озлатить!
О гордость!.. Я мечтал, в сих хижинах забвенных,
Слыть чудом посреди оратаев смиренных;
За чарой, у огня, в кругу их толковать
О том, что в долгий век мог слышать и видеть!

Так заяц, по полям станицей псов гонимый,
Измученный бежит опять в лесок родимый!
Так мнил я, переждав изгнанничества срок,
Прийти, с остатком дней, в свой отчий уголок!
О, дни преклонные в тени уединенья!
Блажен, кто юных лет заботы и волненья
Венчает в старости беспечной тишиной!..

1805

ВЕЧЕР

ЭЛЕГИЯ

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды,
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат, —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов золотых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над рекой колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный блик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты,
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропюю,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.

О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и хólмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливает,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

1806

ПЕСНЯ

Когда я был любим — в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, — где счастья привиденье?
Ах, счастием моим любовь твоя была.

Когда я был любим — тобою вдохновенный
Я пел, моя душа хвалой твоей жила.
Но я тобой забыт — погиб мой дар мгновенный:
Ах, гением моим любовь твоя была!

Когда я был любим — дары благодеянья
В обитель нищеты рука моя несла.
Но я тобой забыт — нет в сердце состраданья!
Ах, благостью моей любовь твоя была!

СОВЕСТЬ

Сколь неизбежна власть твоя,
Гроза преступников, невинных утешитель.
О совесть! наших дел закон и обвинитель,
Свидетель и судья!

К ФИЛАРЕТУ ПОСЛАНИЕ

Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?
Когда прострешь ко мне ласкающую руку?
Когда мне встретить твой душе понятный взгляд
И сердцем отвечать на дружбы глас священный?..
Где вы, дни радостей? Придешь ли ты назад,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселие навеки отцвело
И счастье мое с протекшим протекло?..
Как часто о часах минувших я мечтаю!
Но чаще с сладостью конец воображаю,
Конец всему — души покой,
Конец желаньям, конец воспоминаньям,
Конец борению и с жизнью и с собой...
Ах! время, Филалет, свершиться ожиданьям.
Не знаю... но, мой друг, кончины сладкий час
Моей любимой мечтою станови́тся;
Унылость тихая в душе моей хранится;
Во всем внимаю я знакомый смерти глас.
Зовет меня... зовет... куда зовет?.. не знаю;
Но я зовущему с волнением внимаю;
Я сердцем сопряжен с сей тайною страной,
Куда нас всех влачит судьба неодолима;
Томящейся душе невидимая зрима —

Повсюду вестники могилы предо мной.
Смотрю ли, как заря с закатом угасает, —
Так, мнится, юноша цветущий исчезает;
Внимаю ли рогам пастушьим за горой,
Иль ветра горного в дубраве трепетанью,
Иль тихому ручья в кустарнике журчанью,
Смотрю ль в туманну даль вечернею порой,
К клавиру ль преклонясь, гармонии внимаю —
Во всем печальных дней конец воображаю.
Иль предвещание в унынии моем?
Или судил мне рок в весенни жизни годы,
Сокрывшись в мраке гробовом,
Покинуть и поля, и отческие воды,
И мир, где жизнь моя бесплодно расцвела?..
Скажу ль?.. Мне ужасов могила не являет;
И сердце с горестным желаньем ожидает,
Чтоб промысла рука обратно то взяла,
Чем я безрадостно в сем мире бременился,
Ту жизнь, в которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златит.
К младенчеству ль душа прискорбная летит,
Считаю ль радости минувшего — как мало!
Нет! счастье к бытию меня не приучало;
Мой юношеский цвет без запаха отцвел.
Едва в душе своей для дружбы я созрел —
И что же!.. предо мной увядшего могила;
Душа, не воспылав, свой пламень угасила.
Любовь... но я в любви нашел одну мечту,
Безумца тяжкий сон, тоску без разделенья
И невозвратное надежд уничтоженье.
Иссякшая души наполню ль пустоту?
Какое счастье мне в будущем известно?
Грядущее для нас протекшим лишь прелестно.
Мой друг, о нежный друг, когда нам не дано
В сем мире жить для тех, кем жизнь для нас священна,
Кем добродетель нам и слава драгоценна,

Почто ж, увы! почто судьбой запрещено
За счастье их отдать нам жизнь сию бесплодну?
Почто (дерзну ль спросить?) отъял у нас Творец
Им жертвовать собой свободу превосходну?
С каким бы торжеством я встретил мой конец,
Когда б всех благ земных, всей жизни приношеньем
Я мог — о сладкий сон! — той счастье искупить,
С кем жребий не судил мне жизнь мою делить!..
Когда б стократными и скорбью и мученьем
За каждый миг ее блаженства я платил:
Тогда б, мой друг, я рай в сем мире находил
И дня, как дара, ждал, к страданью пробуждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаюсь,
Что каждый жизни миг погибшия моей
Есть жертва тайная для блага милых дней,
Я б смерти звать не смел, страшился бы могилы.
О незабвенная, друг милый, вечно милый!
Почто, повергнувшись в слезах к твоим ногам,
Почто, лобзая их горящими устами,
От сердца не могу воскликнуть к небесам:
«Все в жертву за нее! вся жизнь моя пред вами!»
Почто и небеса не могут внять мольбам?
О безрассудного напрасное моленье!
Где тот, кому дано святое наслажденье
За милых слезы лить, страдать и погибать?
Ах, если б мы могли в сей области изгнанья
Столь восхитительно презренну жизнь кончать —
Кто б небо оскорбил безумием роптанья!

1808

ЛЮДМИЛА
БАЛЛАДА

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне

Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, — мечтала, —
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»

Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны...
«Возвратились незабвенны!..»
А Людмила?.. Ждет-пождет...
«Там дружину он ведет;

Сладкий час — соединенье!..»
Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй...
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила? —
Мать со страхом возопила. —
О, спокой тебя Творец!» —
«Милый друг, всему конец;
Что прошло — невозвратно;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл...
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив Творец;
Все прости; всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь — Создателя посланье;
Зла Создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит». —
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых?» —
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай — смиренным воздаянье,

Ад — бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».

«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе — всюду рай;
С милым розно — райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня Спаситель!» —
Так Людмила жизнь кляла,
Так Творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.

Вот и месяц величавый
Встал над тихую дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.

Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...

Тихо брякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:

«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет». —
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»

«Близ Наревы дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет —
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; мою будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».

«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;
Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». —

«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». —
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится». —
«Где ж, скажи, твой тесный дом?» —
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест, и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».

Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему головой.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.

«Светит месяц, дол сребрится;

Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздогнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек».
«Близко ль, милый?» — «Путь далек».

Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.

«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» —
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». —
«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглися,
Месяц в облаке потух.

Конь, мой конь, кричит петух».

«Близко ль, милый?» —
«Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.

Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле
Бух в нее и с седоком.
Вдруг — глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой — гроб; жених — мертвец.

Видит труп оцепенелый;
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.

Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила;
Завес — саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».

Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках;
Визг и скрежет под землю;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон Творец;
Час твой бил, настал конец».

1808

К НИНЕ
ПОСЛАНИЕ

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели с последним дыханьем угаснет?
Душа, отлетая в незнаемый край,
Ужели во прахе то чувство покинет,
Которым равнялась богам на земле?
Ужели в минуту боренья с кончиной —
Когда уж не буду горящей рукой
В слезах упоенья к трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный — примета любви,
И тайныя страсти во взорах сиянье,
И тихие вздохи, и сладкая скорбь,

И груди безвестным желаньем стесненье —
Ужели, о Нина, всем чувствам конец?
Ужели ни тени земного блаженства
С собою в обитель небес не возьмем?
Ах! с чем же предстанем ко трону Любви?
И то, что питало в нас пламень души,
Что было в сем мире предчувствием неба,
Ужели то бездна могилы пожрет?
Ах! самое небо мне будет изгнаньем,
Когда для бессмертья утрачу любовь;
И в области райской я буду печально
О прежнем, погибшем блаженстве мечтать;
Я с завистью буду — как бедный затворник
Во мраке темницы о нежной семье,
О прежних весельях родительской сени,
Прискорбный, тоскует, на цепи склонясь, —
Смотреть, унывая, на милую землю.
Что в вечности будет заменой любви?
О! первая встречи небесная сладость —
Как тайные, сердца созданья, мечты,
В единый слившись пленительный образ,
Являются смутной весельем душе —
Уныния прелесть, волненье надежды,
И радость и трепет при встрече очей,
Ласкающий голос — души восхищенье,
Могущество тихих, таинственных слов,
Присутствия сладость, томленье разлуки,
Ужель невозвратно вас с жизнью терять?
Ужели, приближась к безмолвному гробу,
Где хладный, навеки бесчувственный прах
Горевшего прежде любовию сердца,
Мы будем напрасно и скорбью очей
И прежде всеильным любви призываньем
В бесчувственном прахе любовь оживлять?
Ужель из-за гроба ответа не будет?
Ужель переживший один сохранит

То чувство, котрым так сладко делился;
А прежний супутник, кем в мире он жил,

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте,
будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ